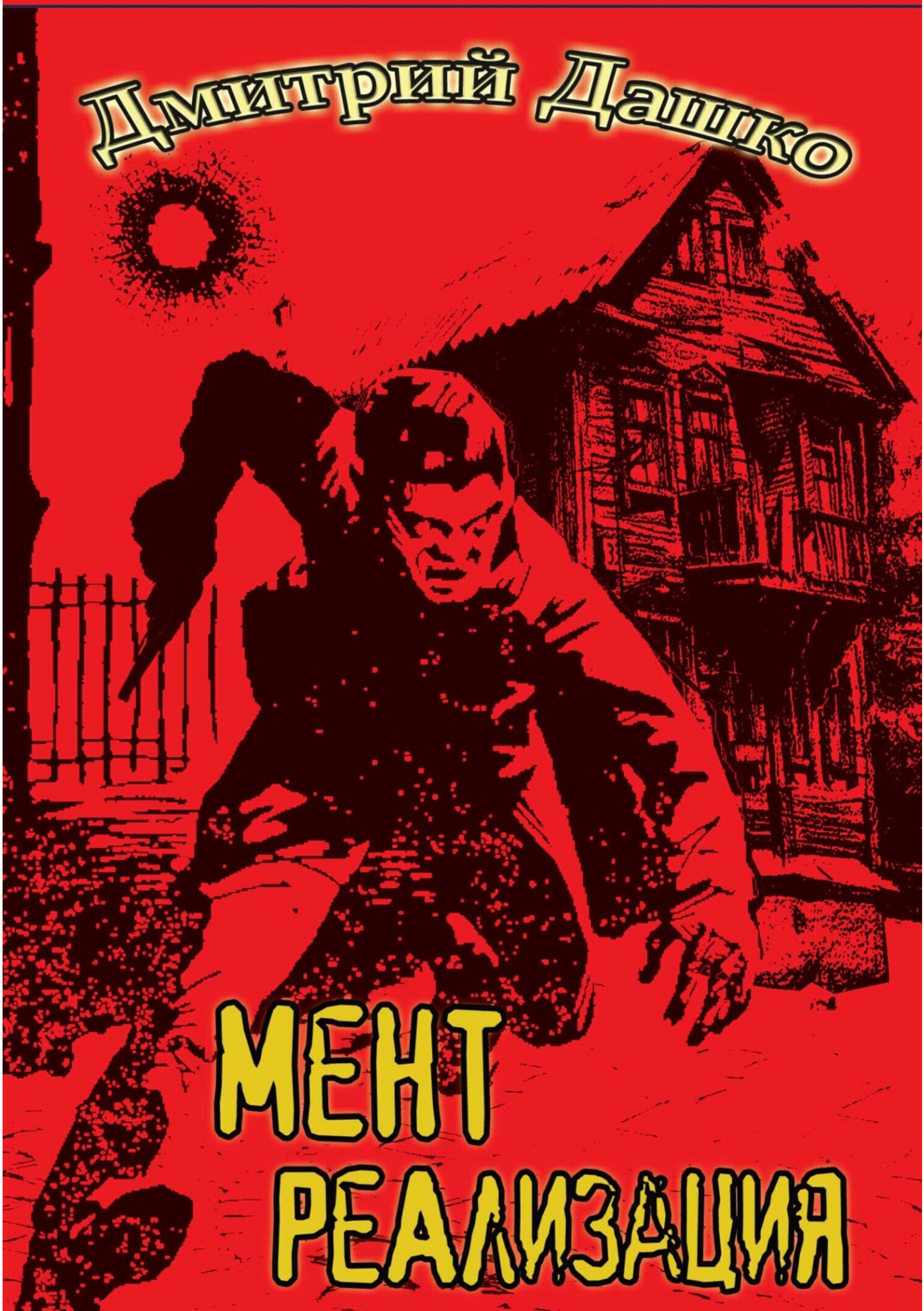
ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дмитрий Дашко



МЕНТ РЕАЛИЗАЦИЯ

«КРЫЛОВ»

Мент

Дмитрий Дашко

Мент. Реализация

«Крылов»

2022

УДК 177.5
ББК 88.5

Дашко Д. Н.

Мент. Реализация / Д. Н. Дашко — «Крылов», 2022 — (Мент)

ISBN 978-5-4226-0404-3

Всё шло как надо: из двадцать первого века он попал в нужное время и нужное место – Советскую Россию 1922 года. На его счету раскрытые сложные дела и поимка особо опасных преступников. Но происходит сбой, и классный опер вдруг оказывается никому не нужным. Требуется серьёзная и хорошо продуманная реализация, чтобы снова вернуться в «обойму». Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

УДК 177.5
ББК 88.5

ISBN 978-5-4226-0404-3

© Дашко Д. Н., 2022
© Крылов, 2022

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 23
Глава 6 28
Глава 7 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Дмитрий Николаевич Дашко
Мент. Реализация

© Дашко Д., 2022
© ИК «Крылов», 2022

Автор выражает свою благодарность всем, кто помогал в работе над книгой, и особенно:

Евгению (Oigene) из группы «Исторический роман» – https://vk.com/translators_historicalnovel

Пользователям сайта «Автор. Тудей» под никами readerlord и Nikolite

Михаилу Анатольевичу Унакафову

Буду рад видеть своих читателей у меня в гостях на https://author. today/u/dashkobooks и https:// vk.com/dashko_books

Глава 1

К освещённым окнам ресторана то и дело подкатывали всё новые и новые пролётки, выгружая из своего чрева гостей – новых хозяйчиков жизни: пухлых, одетых в костюмы «по последней парижской моде», почти у каждого под ручку сногсшибательная подружка, строящая из себя эдакую женщину-вамп: короткие стрижки с завитыми локончиками, длиннющее платье в «пол», шляпки с перьями, как у индейцев. На руках тонкие перчатки или муфты, лицо спрятано за вуалью.

Дамы тщательно маскируют то, что по причуде этих лет считают недостатками – тщательно перебинтовывают груди, чтобы выглядеть плоскими, как доска. Странно, что кавалерам это нравится.

Почти все курят, изящно отводя полусогнутую нежную ручку с зажатым в ней длинным мундштуком, стряхивая пепел в пепельницу. В разговорах упоминают модные журналы и зарубежные выставки, то и дело в речи всплывает фамилия Веры Мухиной – которую я знаю как создательницу скульптурного монумента «Рабочий и колхозница». Но, оказывается, она ещё и законодательница мод – обсуждают её эстрадное платье-бутон.

Хочешь не хочешь, за смену наслушаешься всего и поневоле станешь вникать в такие вещи.

Кутят нэпмачи словно последний раз в жизни, выбрасывают за ночь сумасшедшие суммы. Лакают доставленное контрабандой из Одессы якобы французское шампанское, мажут на хлебушек икру. Поднабравшись, заказывают ресторанному оркестрику любимые песни, в тёмных уголках вынюхивают дорожки кокаина и требуют, чтобы девчонки-танцовщицы исполнили на «бис» канкан.

Ни дать ни взять новые русские, словно сошедшие из анекдотов девяностых. Только вместо «шестисотых меринов» собственные конные экипажи, а роль малиновых пиджаков играют смокинги, коверкотовые костюмчики и узенькие, по щиколотку, брючки-оксфорды. Золотых цепей на шее нэпмачи не носят, зато подружки щеголяют жемчужными брошками.

Пару раз чихнули моторы авто. На огонёк пожаловала другая категория посетителей – зарождающаяся партийная номенклатура: преимущественно мужчины средних лет, которые ещё не успели забыть, что такое вонь окопов, штыковая атака, солдатская гимнастёрка, галифе и ботинки с обмотками.

Костюмчики у этих «товарищей» качеством похуже, материалец дрянной, пошив явно не по фигуре, сидят как на корове седло.

Если кого-то вдруг «запалит» начальство, с утра будет жёсткий разгон в партийной ячейке, выговор и прочие меры, но запретный плод сладок, не все в силах избежать искушения и потому летят сюда как мотыльки на огонёк. Иногда и действительно «обжигают крылышки», и больше мы в ресторане этого гостя не видим.

Я несколько раз прохожусь вдоль столиков, заглядываю через специальные дырочки в отдельные кабинеты. Прошёл месяц с лишним как меня сократили из губрозыска. На бирже труда, куда я встал, как и полагается всем законопослушным гражданам, мне подобрали только одну более-менее подходящую должность – вышибалы в нэпманском кабаке.

Через какое-то время владелец ресторана сообразил, что мой уровень куда выше и предложил возглавить охрану всего увеселительного заведения.

Теперь в моём подчинении трое крепких ребят, вместе с которыми мы поддерживаем порядок в кабаке: следим, чтобы не было пьяных драк и разборок между посетителями, ловим мелких воришек, не даём гостям приставать к танцовщицам, отгоняем проституток, в общем, поддерживаем репутацию солидного учреждения, где могут собираться деловые люди и обсуждать разного рода сделки и операции.

Жалованье неплохое, работа простая и понятная, но после «уголовки» положение «халдея» претит и бесит. Пусть я забыл, что такое денежные проблемы и питаюсь не как раньше, даже толстеть начал – всё равно, это не моё. Я – офицер, все эти пляски вокруг клиентов – просто бред собачий…

И это сводит с ума!

Давно бы плюнул на всё и собрался в Питер. Там тоже с работой не сладко, но остались знакомые, кое-какие связи – вдруг что-то удастся придумать, однако Смушко и Гибер в один голос уговорили пока остаться в городе.

Мои начальники всё ещё надеются, что смогут восстановить меня в прежней должности.

С того момента, как милицию и уголовный розыск проредили, ситуация с преступностью и бандитизмом почему-то не пошла на улучшение. Скорее – наоборот, гопота всех мастей распоясалась, и ребятам, что остались на службе, приходится вкалывать за себя и «того парня».

Наряду с проблемами с работой возникла и проблема с жильём.

Из общаги меня попёрли не сразу, потерпели пару недель, но потом пришла комендантша и, стараясь не смотреть в мою сторону, с виноватым видом пояснила, что поскольку я больше не работаю в губрозыске, то прав на служебное жильё не имею, а на мои квадратные метры нашлись и другие претенденты. У них в отличие от меня и с работой, и с бумагами полный порядок.

Устраивать скандал не имело смысла: те две недели, что я тут прожил, вообще нечто из разряда чудес. Другого бы давно отсюда выперли, и полетел бы голубчик турманом куда глаза глядят.

А глядеть особенно было некуда. Родни в городе нет, с друзьями тоже как-то не сложилось…

Само собой, выходное пособие, как я его ни экономил, закончилось быстро – инфляция набирала ход, в магазинах регулярно переписывали ценники и, конечно, не в меньшую сторону. Деньги таяли как снег весной.

Нищему собраться – только подпоясаться. Все мои нехитрые пожитки поместились в тонком, обитом потёртой кожей чемоданчике, с которым я вышел из освобождаемой комнаты и сразу оказался перед добрыми и светлыми очами Степановны, давно взявшей надо мной что-то вроде шефства.

– Жора, а ты куда собрался? – участливо спросила она.

Я пожал плечами, поскольку действительно не имел ни малейшего представления, куда направлю стопы, как только покину ставшие негостеприимными стены общаги.

– Пока не знаю, Степановна. Что-нибудь придумаю – чай голова на плечах есть.

– Дурная у тебя голова! – запричитала женщина. – На улице жить собрался?

– Ну почему на улице? Я ж говорю – что-нибудь придумаю, – с показной уверенностью заявил я. – Спасибо за всё, Степановна. Мне пора.

– А ну стой! – приказным тоном объявила Степановна. – Ишь ты какой – придумает он что-то, – передразнила женщина меня. – В коледорчике обожди, пока я с комендантшей покалякаю. Отпроситься надоть у неё ненадолечко.

В принципе мне было всё равно – подождать, так подождать. Спешить всё равно некуда.

Степановна вернулась через пару минут, взбудораженная и словно слегка помолодевшая.

– Отпустила меня комендантша. Пошли, Жора.

– Куда?

– На кудыкину гору. Ко мне пошли, у меня пока поживёшь.

У меня перехватило дыхание.

– Степановна, ты это… у меня пока с деньгами напряг, но это временно. Я тебе потом заплачу, сколько скажешь.

– Я тебе дам – заплачу! – обиделась Степановна. – Чтоб я даже слова такого от тебя больше не слышала! Мне, старухе, одной жить скушно. С тобой, глядишь, будет повеселее. Если захочешь – девок приводи, возражать не стану.

Не выдержав, я от всей души обнял эту добрую и милую женщину.

– Прости, Степановна. Ты… ты такая! У меня слов нет…

– А они нам и не нужны, – отмахнулась Степановна. – Что такое слова? Ничего, окромя сотрясания воздуха.

С того дня я и поселился в её небольшой деревянной избушке, стоявшей почти на окраине города.

И даже, когда получил первое, весьма приличное по всем меркам жалование, съезжать не стал.

Мне нравилось общество Степановны, я просто купался в её доброте, которую она бескорыстно дарила. В свою очередь тоже старался помочь: дров наколоть, огородик прополоть… да мало ли мужских дел по хозяйству. Денег подбрасывал, продукты покупал.

В общем, уживались неплохо. Она заменяла мне мать, а я стал для неё сыном, пусть формально мы были совершенно чужими людьми. Но… жизнь на то и жизнь, чтобы приводить к неожиданным ситуациям.

Я замер. Этот тип мне не понравился сразу. Не благодаря внешности, с ней как раз всё в ажуре: смуглый, тонколицый, по поведению – дамский угодник… Вот только ни к первой, ни ко второй категории посетителей он точно не относился – ни разбогатевший фирмач, ни номенклатурщик. Денег особых не водится – сидит уже второй час и за всё время как бы нехотя выпил пару стопок самой дешёвой водки да вяло поковырялся вилкой в салатике, но при этом видно, что глазки-то голодные.

Номенклатура, как правило, пуглива, словно олень в лесу, постоянно ко всему прислушивается и готова в любую секунду скрыться через чёрный ход.

Этот явно спокоен и хладнокровен. Если и боится чего-то – точно не разноса по партийной линии.

Вроде посматривает на девчонок, поднимающих на маленькой сцене ножки кверху, но основной его интерес направлен явно не туда.

Куда же ты смотришь, голубь сизокрылый? Да ясно куда: прямо пожираешь глазками украшения на спутницах нэпманов (очень редко это их жёны, в девяноста случаях из ста – любовницы). Крутить с этими красотками романы бессмысленно – кроме подачек богатых любовников, у них за душой ничего нет, и пару эти дамочки ищут по принципу «чем толще кошелёк – тем лучше».

А наш типчик явно пытается разобраться, что висит на шее у этих фемин: настоящие жемчуга, золото и бриллианты или дешёвенькая бижутерия?

Ну, насколько мне известно, кутящий сейчас за столом, на котором и яблоку некуда упасть, владелец сети булочных гражданин Фридман Арон Моисеевич любит, чтобы было «дорого-богато» и не позволит своей восемнадцатилетней пассии Софочке выйти в обычных стекляшках вместо брюликов.

Именно на Софочку чаще всего и поглядывает подозрительный тип. А во взгляде его отнюдь не восторг от форм красотки (на мой вкус – так себе, кожа да кости), а щёлканье бухгалтерских костяшек. Тут и дурак поймёт, что на девушке в данный момент висит сразу несколько состояний.

Но только на Софочке свет клином не сошёлся. Сей далеко не юноша – я бы дал тонколицому навскидку лет тридцать и отнюдь не лагерей – рассматривал и других подобных девиц.

На мой взгляд, в ресторане столь же упакованных фемин (если не считать пассии Фридмана) ещё три-четыре – что называется, «рыбный день».

Если всех скопом окучить – будет детишкам на молочишко, останется ещё и на «марафет». Судя по покрасневшим крыльям носа, кокс тонколицый нюхает с завидной регулярностью.

Тип подозвал официанта, рассчитался и быстро вымелся наружу, оставив весьма скромные чаевые – это я понял по раздосадованному взгляду официанта и тому презрению, с которым он опустил мелочь в карман.

Что бы это значило, дамы и господа? С большой вероятностью, что скоро нас будут грабить, ибо я, пока разглядывал типа, успел кое-что припомнить из сводок. Там не было фотографии, но словесный портрет составили так, что картинка вставала перед глазами как живая.

И принадлежало описание некоему Льву Яснопольскому, уроженцу города Витебска, одна тыща восемьсот девяносто первого года рождения – в общем, почти не ошибся с возрастом. А славен этот Лев Яснопольский тем, что регулярно выступает в качестве наводчика для гастролирующей по городам и весям РСФСР банды, и специализируется та на грабежах злачных заведений вроде нашего.

Я нащупал в кармане пиджака рукоятку «нагана»: получить разрешение на оружие – не такой квест, как в моей прошлой жизни, револьверы на полностью законном основании носят многие, порой вполне себе мирные обыватели.

– Павел Александрович, подойди на секунду, – позвал я метрдотеля, контролировавшего работу официантов.

Седой, благообразный, с длиннющими бакенбардами, он очень смахивал на генерала.

– Слушаю, Григорий Олегович.

– Георгий!

– Извините, зарапортовался!

– Ничего страшного! У меня маленькая просьба. Сделайте милость: сходите в кабинет директора и телефонируйте милиции – пусть срочно приезжают.

– Голубчик, зачем звонить в милицию? – испугался он.

– Затем, что нас скоро будут грабить. И передайте, чтобы пошевеливались, не то налётчиков упустят, как в прошлый раз.

– Вы уверены?

– Иначе я бы не стал никого вызывать. Хозяин этого не любит.

– Понял!

Метрдотель скрылся.

На моей памяти это уже вторая попытка налёта на кабак. И каждый раз незваные гости оказываются гастролёрами. Владелец заведения имеет хорошие связи с местным криминалом, и потому серьёзные люди городского масштаба стараются проводить экспроприацию экспроприированного в других локациях, обходя нас стороной.

Но это не означает, что я могу позволить себе расслабиться – хватает как своей, так и залётной шушеры, способной порядком отравить жизнь.

А жить, кстати, хочется.

Глава 2

К приходу незваных гостей всё готово. Гости собраны в «особую» залу, где их уши станет услаждать городская знаменитость – певичка, страшная и порочная, как грех, мадемуазель Зизи, обладательница томного и слегка прокуренного голоса. Якобы француженка, которую ветрами мировой войны занесло в наш город, а на самом деле – недоучившаяся гимназисточка из Омска.

Ко мне она стала клеиться в первый же день, как я поступил на работу, и это была ещё одна причина, по которой безумно хотелось уволиться и уехать куда глаза глядят.

Способ отваживания, который предложил метрдотель Павел Александрович, а именно – съездить ей по морде, я счёл не подходящим. К тому же «бьёт – значит, любит», кто знает, вдруг мадемуазель Зизи, очаровательная как мешок обглоданных костей, испытывает склонность к мазохизму.

Заиграл рояль, полился романс, душный, как ночь в Каролине (классный детектив, кстати).

Я и двое моих парней заняли позиции на входе. Уверен, банда ждать себя не заставит.

Хорошо иметь интуицию, подкреплённую милицейскими сводками. Минут через пять в ресторан влетели шестеро вооружённых субчиков, размахивающих шпалерами.

– Без паники! Это ограбление! – заорал один из них и, видимо, чтобы придать словам большей убедительности, пальнул в потолок.

Это развязало мне руки.

Налётчики не подозревали, что сами угодили в капкан.

Ках! Мой наган плюнул свинцом в того, что был ближе и вышиб из его глупой башки мозги. «Ках!» – второму гадёнышу повезло чуть больше, я влепил ему пулю в бедро, грабитель заорал так, словно его режут, и, потеряв шпалер, свалился на пол. Кровищи из раны потекло – жуть, уборщицам потом долго вытирать придётся.

Бандиты растерялись и позволили подстрелить третьего своего товарища. Ещё одного налётчика шлёпнули мои бойцы.

– Бросай оружие, сволочи! – закричал я.

– Иначе все тут лежать останетесь! Уцелевшие налётчики не стали выказывать крутизну и дружно побросали стволы на пол.

Потянуло едким, пряным запахом горелого пороха, перебивающего все ароматы с кухни.

– Руки в гору! – приказал я и повернулся к своим орлам:

– Парни, обыщете их, только осторожно! У них при себе может быть ещё оружие.

Тут я не ошибся, помимо финок ребята извлекли на свет божий ещё парочку револьверов и даже кастет. У одного в карманах завалялась граната.

– Вы что – банк грабить пришли? – удивился я этой находке. – У нас же скромное заведение общепита. Люди сюда кушать ходят, а вы такую дрянь притащили!

«Лимонку» я, каюсь, прихватил. Потому как вещь в хозяйстве полезная – приколотить, например, что, если молотка при себе нет. Шучу, конечно. К поговорке «тяжело в деревне без нагана» можно смело добавлять – «а в городе без гранат». Ну и в идеале ещё и пулемёта. Эх, будь моя воля, обязательно у входа бы «максим» поставил и замаскировал – как раз для подобных мероприятий.

Тут я заметил, что среди шестёрки налётчиков явно не хватает одного – того самого наводчика Лёвы Яснопольского.

– Куда Лёву дели? – спросил я у бандитов.

– Какого Лёву? – притворно удивился романтик с большой дороги.

– Дурачка мне не строй! Где ваш наводчик?

– Понятно, примелькался наш Лёвушка, – вздохнул бандит. – Давно говорил – менять его нужно. Что, из-за него засыпались?

– Из-за него, сокола ясного, – подтвердил я. – Так где Лёва-то?

– Он с нами на дело не ходит, у него своя работа. Думаю, понял, что мы прогорели, и сразу пятки салом смазал. Ищи ветра в поле.

– Пусть милиция ищет, – отмахнулся я.

А вот и милиция.

Здесь ещё не существует нормативов, однако если бы они и были, эти ребята безусловно уложились бы, да ещё и время бы осталось. Ну, а то, что бандиты опередили, так вполне понятно – ближайшее отделение в трёх кварталах, а налётчики гарантированно паслись где-то поблизости, ожидая сигнала Лёвушки.

– И что у нас на этот раз, Быстров? – нахмурился старший летучего отряда.

У него была фамилия Воробей, да и сам он был какой-то маленький и нахохлившийся, но при этом вполне толковый мужик.

– Это вместо привета, что ли? – делано удивился я. – Ты бы нас лучше поблагодарил – мы за нашу доблестную милицию всю работу делаем. Видишь, банду вам поймали.

– Что-то рожи какие-то незнакомые? – оглядел преступников Воробей. – Не наши, что ли?

– Залётные, – подтвердил я. – С ним ещё один быть должен. Лев Яснопольский, наводчик. Только он смылся.

– Неужели ты его упустил? – не поверил ушам Воробей.

– Обижаешь, командир. Просто у него тонкая душевная организация, и он только на разведку ходит.

– Держи пять, Быстров, – Воробей протянул ладошку.

Она, может, и выглядела маленькой и узой, но я знал, сколько в ней силы – жим у Воробья был воистину атлетический, компенсация за внешний хилый и непрезентабельный вид.

Рассказывали, что над новичками в отделении милиции часто подшучивали: показывали Воробья и предлагали побороться с ним на руках. Обычно после поединка ладонь у новобранца превращалась в сплющенный, как после прокатного стана, блин.

– Ага, тебе только подай руку – потом весь день в холодной воде отмачивать, – отшутился я.

– Кто с нами в отделение оформлять поедет – ты? – ни капли не обиделся Воробей.

– Я, конечно. Надеюсь, на сегодня лимиты бандитских нападений на кабак исчерпаны, таких гостей больше не будет, – кивнул я.

– Тогда собирайся.

– Только у меня один труп случайно получился, ну и ещё пара тяжёлых, – виновато заметил я.

– Случайно, ха! – буркнул Воробьёв. – Знаю я твоё случайно – небось специально наповал уложил, чтобы его подельники в подштанники наложили.

– Ты этого не говорил, я этого не слышал, – подмигнул я. Убивать людей – штука противная, оставляет после себя гадкий остаток, но кто сказал, что эти бандосы – люди. У меня совершенно иное мнение на сей счёт. Наверняка, подвигов на них – весь УК РСФСР 1922-го года примерить можно.

Мы вышли на улицу.

К ресторану, страшно чихая, подкатил автобус – в него милиционеры посадили арестованных бандитов, а потом и сами залезли. За мертвецом обещали прислать труповозку.

– Ну. А ты чего – отдельного приглашения ждёшь? – позвал меня из глубин доисторического монстра неведомой марки Воробей. – Залезай внутрь, а то холода напустишь!

– Обожди маленько, я распоряжения отдам и вернусь, – попросил я.

– Распоряжения он отдаст. Важный какой!

– пробурчал Воробей, однако артачиться не стал.

Как ни крути, сегодня я здорово помог ему улучшить статистику раскрываемости, за которую бедных милиционеров «ревущих» двадцатых стали бить по голове, как и ментов будущего за пресловутые «палки».

Меняется мир, меняется эпоха – но пресловутая система остаётся прежней.

Перебросившись парой слов с метрдотелем и отдав последние ЦУ парням, я полез в автобус.

Чудо несоветского автопрома несколько раз дёрнулось, словно по нему пропустили электрический ток, и тронулось с места.

Внутри всё скрипело, шумело и качалось, мотор ревел не хуже самолётного. Поболтать по душам с Воробьём не получилось: я даже собственных слов не слышал, чего говорить про собеседника, а азбукой глухонемых мы оба не владели.

«Шарабан» подкатил к отделению, мотор заглох, «пассажиры» пошли на выход.

Я остановил Воробья, схватив его за рукав гимнастёрки:

– Слушай, ну как у вас – места появились?

Он отрицательно помотал головой.

– Шутишь? Пока только увольняют, новых давно не берут.

– Ясно, – вздохнул я.

– А чем тебя нынешняя работа не устраивает? – притворился он незнайкой. – Работаешь в тепле и светле, а не как мы, прости господи, в дерьме всяком. Пострелять захотел, ну как сегодня – опять тебе, пожалуйста. Ну, получка не в пример нашей!

– Это ты верно сказал. Тепло, светло, мухи не кусают, и пострелять удаётся. И деньги, конечно, хорошие. Но… Смотрю я на эти сытые и довольные хари и понимаю, что как же это – сука, несправедливо! Одни кровь проливают, другие ананасы с рябчиками жрут…

– Что – снова взять и поделить, да? – хмыкнул Воробей.

– Нет, конечно. Хватит уже переделов собственности. Ты извини – просто эмоции. Денёк выдался трудный.

– Без эмоций тоже нельзя. Понимаю тебя, брат Быстров. Понимаю и где-то даже сочувствую. Но ты в грех уныния не впадай – это ведь не только церковный грех, но и наш, большевистский. Всё, пошли оформляться.

– Пошли.

Началась стандартная милицейская канитель: допросы, протоколы, показания… К моим словам не цеплялись, зная, как обстоит расклад.

И всё равно – штука это весьма утомительная. К концу дня устал как собака, руки после писанины покрылись чернильными пятнами.

– Слушай, я схожу – помоюсь! – показал я следаку тёмные разводы на ладонях.

– Сходи, конечно.

Я вышел в коридор, направился к умывальнику.

– Жора, привет! Какими судьбами? – навстречу шагал улыбающийся, как Чеширский кот, Полундра.

– Да так, в злодеев немножко пострелять пришлось, – я не стал вдаваться в подробности.

– Как же, наслышан, – закивал он. – И без трупов, говорят, не обошлось.

– Всего один, – развёл я руками.

Внезапно Полундра посерьёзнел.

– Жора, у тебя минутка найдётся?

Я оглянулся в сторону кабинета, откуда вышел. С основными формальностями вроде покончено, если что и осталось, так… по мелочи.

– Для тебя все пять найдутся.

– Тогда переговорить нужно.

Мы отошли чуть подальше.

– Такое дело, Жора – в общем, не получается у Смушко добиться твоего восстановления. Кравченко – упырь, палки в колёса ставит, всё влияние в ход пустил.

– Ты серьёзно?

– С такими вещами не шутят, Жора. Если мне не веришь, спроси у Гибера и Смушко.

– А мне они чего сами не сказали?

– Расстраивать не хотят. До последнего надеются. Но только зря они так… Нельзя людям давать ложную надежду. Все до последнего ждали, что Кравченко в Москву заберут, и тогда с тобой сладится, только что-то с переводом пошло не так. В общем. Кравченко в губернии остаётся… А у него на тебя зуб, причём больной. И он ни за что тебя не пропустит.

– Спасибо, Полундра!

– За что?

– За то, что правду сказал. Раз не выходит ничего – не буду и я дёргаться.

– Останешься в кабаке своём?

– Не мой это кабак, – сурово посмотрел я на Полундру.

– Извини, так, к слову пришлось, – повинился он. – Так что – продолжишь охранником подвизаться?

– Нет, дружище, больше не могу. Этот кабак мне уже поперёк горла стоит. Достало меня. – Тогда что планируешь делать? В городе с работой хреново.

– В Петроград поеду. С ребятами из тамошнего угро перетру. Питер – город большой, авось и для меня местечко найдётся. На крайний случай – в Москву, тоже вариант.

– Смушко о планах расскажешь?

– Скажу, конечно. Пусть не дёргается. Если с самого начала не задалось, дальше только хуже будет, – твёрдо сказал я.

Глава 3

Нанимателя известие о моём уходе не обрадовало.

– Георгий Олегович, я что – плохо вам платил?

– Нормально платили.

– Но если этого было недостаточно, я готов поднять ваше жалованье в полтора… в два, вы слышите – в два раза! – с надеждой произнёс он.

– Спасибо, конечно, но я твёрдо решил, что уйду.

– Почему, Георгий Олегович? Уж простите за любопытство, но я никак понять не могу… Неужели вам мёдом в Петрограде намазано? – щуря близорукие глаза, растерянно спросил он. – Нет, конечно, просто… Ну как вам объяснить словами – я не создан для этой работы! – Однако у вас здорово получалось!

– Рано или поздно я бы сорвался: устроил драку, запил, стал бы источником проблем. Лучше уйду сейчас, оставив о себе добрую память.

– Жаль, конечно… Но заставить вас я не могу.

Он подошёл к сейфу, открыл дверцу и извлёк оттуда конверт.

– Возьмите.

– Что это?

– Деньги, конечно.

– Я уже получил расчёт в бухгалтерии.

– То была ваша зарплата. А это от меня лично, премия за то, что вчера скрутили налётчиков. Если что – возвращайтесь. Я с удовольствием снова возьму вас на работу.

– Буду помнить.

После ресторана поехал на вокзал покупать билеты на поезд.

Над городом висели свинцовые тучи, шёл затянувшийся дождь. Настроение было паршивым, теперь я понимал, почему в «Трёх сёстрах» Чехова Ирина с такой тоской и яростью повторяет строки: «В Москву, в Москву, в Москву!»

Вряд ли переезд решит все мои проблемы, скорее, создаст новые, но под лежачий камень вода не течёт.

А ведь я совсем недавно был на этом вокзале, выходил из вагона с каким-то радостным ощущением от хорошо сделанной работы. А потом – раз! И радужная картинка побледнела.

Кассирша меня узнала (ну да, я ведь успел навести тут шороху в прошлую поездку), сразу сделалась самой любезностью. Она ведь не знала, что «корочек» опера в моём кармане больше нет, что я – рядовой гражданин РСФСР, ставший «перекати-полем».

Взяв билет, пошёл в «коммерческий» магазин – надо посидеть со Степановной, проститься по-человечески. Если нормально устроюсь в Питере, перетащу к себе – после всего, что она для меня сделала, не хочется оставлять её одну. За эти дни мы буквально сроднились.

О своём решении я ей сообщил ещё вчера, когда вернулся из милиции. Степановна жутко расстроилась, хотя вида старалась не подавать, однако я слишком хорошо успел её изучить.

Набрав в магазине колбасы, сала, чая, сахара, конфет и прочих угощений к столу, нанял извозчика и покатил с подарками домой. А ведь я действительно привык уже считать его своим домом.

– Вас как – с ветерком прокатить? – обернулся ко мне извозчик.

– Можно и с ветерком, – согласился я.

– Тогда с богом!

Ещё на подъезде к дому Степановны я заметил знакомый автомобиль и не удивился, когда навстречу мне вышел Смушко. Хотя, если честно, видеть его здесь было странновато, тем

более уже вчера мы с ним успели обстоятельно переговорить. Полундра был прав – Кравченко твёрдо стоял на моём пути. Казалось, в мире нет силы, способной его сковырнуть.

– Здравствуй, Жора! – Лицо Смушко расплылось в широкой улыбке.

– Здравствуйте. Чем обязан? Неужели проводить приехали?

– Так ты всё-таки собрался уезжать? – погрустнел начальник уголовного розыска.

– Да.

– И когда?

– Уже сегодня. Даже билет купил. Пойдёмте внутрь, посидим – я отвальную устраиваю.

– Погоди Жора с отвальной.

– А что? – замер я.

– Кое-что изменилось.

– Только не говорите, что Кравченко сняли.

– Кравченко никуда не делся.

– Тогда для меня лично ничего не изменилось. Нам с ним в одном городе слишком тесно. – А никто и не говорил про один город, – Смушко хитро прищурился.

– Я вас не понимаю.

– Пойдём, прогуляемся, – он бросил взгляд на небо. – Дождь как раз закончился.

– Хорошо, я только покупки в дом занесу.

Зайдя в дом, первым делом обратил внимание на лицо Степановны. От намётанного взгляда не укрылось, что она недавно плакала: глаза её покраснели и припухли. Сердце сжалось от боли и переживаний за эту прекрасную в своей доброте женщину.

Я обнял её и поцеловал в щёку.

– Степановна, я выйду ненадолго. Ко мне тут бывший начальник заехал…

– Так пусть в дом заходит, – всплеснула руками она.

– Не хочет чего-то. Мы с ним слегка проветримся, а там будет видно – может, и вместе зайдём. Да, это вот тебе, – я положил на стол авоську с продуктами.

– Ой, Жора! Ты же кучу денег, небось, оставил.

– Ничего страшного, Степановна. Один раз живём.

– Это ты верно сказал: один раз жизнь нам дадена. Ну, давай, погуляй – только недолго, а я покуда стол накрою. Билеты-то купил?

– Купил, Степановна.

– И когда поезд?

– Уже сегодня.

– Сегодня, – вздохнула она.

Мне снова стало как-то не по себе.

– Ты не расстраивайся так. Как только устроюсь – за тобой приеду.

– Зачем я тебе нужна, перечница старая?

– Глупости не говори, Степановна. Всё, пора мне – скоро вернусь! – ещё раз обняв Степановну, я вышел из дома.

– Только не простудись! – донеслось вслед. Прямо как мама, Царствие ей Небесное! Та тоже часто напутствовала меня такими словами и укутывала в три слоя одежды.

Эх, мама, мама… Как обидно, что больше никогда не сядем с тобой за одним столом, не поговорим, не поделимся новостями.

Жизнь скоротечна, летит – не заметишь, и очень часто приходится терять тех, кто нас любит больше всех на свете.

Проглотив вязкий комок слюны, вышел на крыльцо – посмотрел на небо. Тучи постепенно рассосались, но и солнцем не пахнет.

– Освободился, Жора?

– Так точно.

– Ну пошли, прошвырнёмся по улице. На ходу как-то легче думается.

– О чём думать станем, товарищ Смушко?

– О тебе, Жора.

– А чего обо мне думать – всё ведь решилось. Я уезжаю в Петроград. Деньги есть, попробую снять квартиру на первое время.

– Почему у сестры не хочешь остановиться?

– Тесно будет. Они ведь пополнение в семействе ждут, зачем им лишняя обуза.

– Деликатный ты, Жора.

– Какой есть. – Я остановился. – Товарищ Смушко, я ведь знаю, что вы – человек крайне занятой, и если приехали ко мне, то по какому-то важному делу. Не надо ходить вокруг да около, говорите сразу, пожалуйста.

– Да я и не собирался тянуть, – усмехнулся Смушко. – Просто у меня возникло такое впечатление, что ты серьёзно обиделся.

– На обиженных воду возят.

– Жора, только не надо мне врать, – пристально посмотрел он на меня.

– Хорошо, вы меня раскололи: меня действительно задело, но я – большой мальчик, как-нибудь переживу, – улыбнулся я.

– Да я в этом и не сомневаюсь. Но мы тут по другому вопросу. Беда у нас случилась, Жора.

– Что за беда? – напрягся я.

– На днях был убит начальник уголовно-розыскной милиции Рудановска, мой хороший друг Боря Токмаков.

– Примите мои соболезнования. Я знаю, каково это – терять лучших друзей, – искренне сказал я.

– Спасибо, Жора. Борис был отличным оперативником и настоящим коммунистом. Три месяца назад его поставили на эту должность и вот… – Смушко замолчал.

– Нашли убийцу?

– Сам понимаешь, времени прошло слишком мало. По горячим следам расследовать не получилось, значит, впереди долгая и кропотливая работа по поиску преступников.

– Как это произошло?

– Очень жестоко и кроваво. Бандиты ворвались в их квартиру, убили Бориса, жену и двух детей: младшему было всего пять лет, Жора! Ты представляешь – всего пять! Жену и дочку изнасиловали, демонстративно, прямо на глазах у Бориса, и только потом застрелили.

– Звери! – со злостью бросил я.

– Хуже зверей. Во сто крат хуже! И мы во что бы то ни стало должны отыскать этих сволочей, – твёрдо объявил Смушко.

– Мы? – замер я. – Вы сказали – мы?!

– Ты не ослушался, Жора. Мы! И у тебя будет ключевая роль в этом расследовании. Ты хорошо показал себя, поэтому я предлагаю тебе занять должность начальника милиции Рудановска и найти того, кто убил Бориса и его семью.

– Подождите, товарищ Смушко – даже если я соглашусь, Кравченко употребит всё своё влияние, чтобы этого не произошло, – заметил я.

– Ещё вчера у него бы получилось, – с горечью сказал Смушко.

Его глаза сверкнули.

– А сегодня, как я тебе уже говорил, кое-что изменилось, – продолжил он. – Петроградское ГПУ прислало благодарственное письмо в твой адрес, и не просто письмо, а за подписью самого товарища Маркуса. Я даже боюсь спрашивать – откуда ты его знаешь и что такого ты сделал для петроградских чекистов.

– С товарищем Маркусом действительно довелось встретиться, – не стал вдаваться в подробности я. – Но ничего из ряда вон выходящего я не совершил.

– Не надо скромничать, Жора. В общем, не знаю, чем ты так помог петроградским чекистам, но они о тебе очень высокого мнения. И это письмо серьёзный аргумент против любого довода Кравченко, – победоносно заключил Смушко. – Что скажешь, товарищ Быстров?

– Я могу подумать?

– Недолго. Неужели тебя смущает, что по сравнению с Петроградом наш провинциальный Рудановск – просто деревня? Уже стал мыслить другими масштабами? – усмехнулся он.

– Причём тут масштабы, – отмахнулся я. – Не слишком ли это круто: из скромного агента сразу в начальники милиции? Наверняка у вашего друга есть заместитель, вряд ли ему понравится, что я займу эту должность?

– Брось, Жора. К лешему все сомнения! Ты справишься с этой работой. А что касается заместителя… У нас есть все основания полагать, что в Рудановске многое прогнило. Борис специально приехал туда разгребать их авгиевы конюшни и, очевидно, сильно прищемил кому-то хвост. Не удивлюсь, если этот кто-то – тоже работает в милиции. Видишь, я открыл тебе все карты.

– Другими словами – никому из местных верить нельзя?

– Ты правило понимаешь ситуацию, Жора. Ну что – берёшься за дело?

– Товарищ Смушко, вы же сказали, что у меня есть время, чтобы подумать! – сказал я.

– Это время истекло. Решайся, товарищ Быстров. Мне надо уладить ещё целую кучу формальностей.

Я вернулся в дом.

– А где твой начальник? – удивлённо вскинулась Степановна. – Ты его не пригласил?

– Он отказался. Сказал, что у него слишком много дел сегодня.

– Жаль. Мужчина видный такой и обстоятельный, – вздохнула Степановна. – Тогда вдвоём посидим, побалакаем. Лишь бы поезд не пропустить…

– Какой поезд, Степановна? – улыбнулся я.

– Как какой?! – спохватилась она. – Петроградский, конечно. Ты ж сам мне сказал, что вечером на поезде уезжаешь, даже билеты взял.

– Билеты придётся сдать.

Она замерла, не веря своим ушам.

– Сдать? Хочешь позже в Петроград поехать?

– Поеду позже, но не в Петроград, Степановна. Мне предложили новую должность в Рудановске, обещают служебную квартиру, зарплату, продпаёк.

– Радость-то какая! Неужто на повышение пошёл?

– Пошёл, Степановна. Буду начальником милиции.

– Ну совсем большой человек стал! – не могла не нарадоваться Степановна. – В Рудановске я тыщу лет не была, а у меня там родня. Возьмёшь с собой, Жора?

– Степановна, ты чего?

– Да ничего. Ты ж без меня пропадёшь там, – безапелляционно заявила она.

– Я бы и рад тебя взять с собой, вот только опасно это. Предыдущего начальника и всю его семью убили. Я не могу тобой рисковать.

– Не надо за меня переживать, Жора. Я своё пожила, смерти в глаза смотреть не боюсь. С собой не возьмёшь, так я сама приеду, без твоего разрешения. Да не больно-то оно мне и нужно!

Я задумался… Если вспомнить, что произошло с семьёй прошлого начальника милиции, это может быть опасным и даже очень, но… Степановне тяжело без меня, я прочитал это у неё в глазах. Она не поймёт, если оставлю здесь, фактически брошу.

– Сдаюсь! – поцеловал я её в морщинистый лоб. – Придётся взять тебя со мной. Беги в общежитие и увольняйся с работы! В Рудановске, может, что и присмотрим для тебя.

Глава 4

Смушко пригладил коротко подстриженные волосы.

– Присаживайтесь, товарищи.

Мы расселись по местам. В кабинете, кроме начальника уголовного розыска, были только я, Гибер и Полундра.

– Считаю совещание открытым. Не буду ходить вокруг да около. Позвольте представить нового начальника милиции Рудановска – всем нам хорошо известного товарища Быстрова.

Я поднялся.

– Поздравляю, Жора, – улыбнулся Гибер.

– Садись, Георгий, – сказал Смушко и продолжил:

– К огромному сожалению, мы знаем, какие печальные события стали поводом для назначения товарища Быстрова на эту должность. Смерть Бориса Токмакова ударила по всем нам, по всему уголовному розыску. Во что бы то ни стало нужно найти и покарать убийц нашего товарища. Это будет самым главным вызовом и главной задачей для нового начальника рудановской милиции. И я даже не спрашиваю – справится ли товарищ Быстров, я железно уверен, что это ему по плечу.

– Спасибо за оказанное доверие, – кивнул я.

– Тебе спасибо, что рискнул и взялся, – посмотрел на меня Смушко. – Твоя кандидатура окончательно утверждена во всех инстанциях. К сожалению, из-за сокращения штатов не могу выделить тебе никого в помощь. Людей физически нет. Те, что остались, работают на разрыв.

– Почему-то я так и думал, – вздохнул я.

Высокое начальство любит создавать проблемы, чтобы потом с интересом наблюдать, как же в итоге выкарабкаются подчинённые.

Смушко втянул сквозь зубы густой прокуренный воздух.

– Надеюсь, ты не меня в этом винишь, Георгий?

– К вам-то какие могут быть претензии, товарищ Смушко? – удивился я. – Это же сверху штаты спускают. Не знаю, чем там руководствуются, и наверняка у них есть тысяча причин на это, но главное товарищи наверху упускают – это аукнется ростом числа преступлений.

– Уже аукнулось, – подтвердил Смушко.

– Только давай больше в политику не вдаваться. Есть приказ, а приказ нужно выполнять.

– Кто ж с этим спорит? Раз помощи нет и не предвидится, придётся справляться собственными силами, – сказал я. – Не впервые. – Ты не думай, что мы тебя бросим одного на произвол судьбы, – заметил Гибер. – В любую секунду можешь связаться с нами, позвонить… В общем, рассчитывай на нас, Георгий.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Осталось ввести тебя в курс основных деталей, касающихся убийства Токмакова, – продолжил Смушко. – Если вкратце: Бориса убили неделю назад поздно ночью, преступники проникли в служебную квартиру и с изуверской жестокостью расправились над ним и его семьёй.

– Как убийцы попали в дом? – спросил я.

– Через дверь. Предвосхищаю следующий вопрос – следов взлома не обнаружено. Скорее всего, Токмаков сам открыл и впустил в дом убийц. Хочу отметить важное: Борис был человеком осторожным и не стал бы отпирать дверь незнакомым людям.

– Выходит, он знал кого-то из убийц.

– Получается, что так, – подтвердил догадку Смушко.

– Отпечатки пальцев, следы? – с надеждой вскинулся я.

– Ничего, за что можно зацепиться, – огорошил меня начальник угрозыска.

Я задумался. Учитывая нынешнее состоянии криминалистики, вообще удивительно, что потрудились хотя бы снять отпечатки пальцев. В более-менее крупных городах это налажено, а вот совсем в глубинке… Там пока плохо, очень плохо.

– Вы говорили, что жену и дочь Токмакова изнасиловали на глазах у мужа, – вспомнил я наш разговор. – Как это установили?

– Есть показания свидетелей, которые слышали крики.

– Свидетелей? – напрягся я.

Известие обнадёживало. Уже есть хоть что-то, за что можно ухватиться. Но дальше меня снова окатили холодной водой.

– Да. Свидетели есть – это соседи Токмаковых. Но они только слышали, как убивают и насилуют, выходить из дома побоялись, поэтому описания внешности преступников у нас нет, – вздохнул Смушко. – Скажу больше – соседи так перепугались, что вызвали милицию через три часа после убийства.

– Преступники целенаправленно шли убивать или что-то искали?

– Бандиты ничего не тронули, в бумажнике Бориса остались деньги, у жены была шкатулка с украшениями – ничего серьёзного, конечно, но сейчас и за копейку убьют – так вот шкатулку тоже не тронули. Так что целью преступников было именно физическое устранение начальника милиции, – проговорил Смушко, и я почувствовал, как нелегко ему далась эта фраза.

Психологически трудно абстрагироваться от смерти хорошо знакомых людей, тем более – близких и друзей. Требуется собирать волю в кулак, делать усилие над собой.

– Убийство милицейского начальника – серьёзное преступление и крайняя мера. Есть предположения, кому Токмаков так насолил? – спросил я.

– Кое-что есть. Он с самого перевода в Рудановск разрабатывал банду Алмаза. Слышал о такой?

– Впервые слышу, – признался я.

– Немудрено, они действуют преимущественно в Рудановске и его окрестностях, к нам не суются, – пояснил Смушко.

– На чём специализируются?

– На всём, что приносит деньги: грабежи, убийства, налёты. Однако в последнее время Алмазу стал наступать на пятки Яша Конокрад. На прозвище не смотрите – это он в прошлом лошадей воровал, сейчас за всё подряд берётся. – Другими словами, подозревать можно, что Алмаза, что Конокрада?

– Да. Оба хороши, и оба могли пойти на такое. Есть ещё вопросы, товарищ Быстров?

– Практически нет. С обстоятельствами смерти Токмакова я буду детально разбираться на месте… Осталось выяснить – есть ли в Рудановске хоть кто-то, на кого я бы мог положиться?

– Боюсь, что это вам тоже придётся выяснять на месте, – снова не обнадёжил меня ответом Смушко.

– Тогда вопросов больше нет, – грустно произнёс я.

– Как планируете работать, товарищ Быстров? – поинтересовался начальник угрозыска.

– Известно как. Поступлю в соответствии с заветом Наполеона Бонапарта – ввяжусь в драку, а там будет видно.

– Что-то не очень ему помогла эта тактика, – хмыкнул Гибер.

– А у меня всё равно не осталось выбора, – развёл я руками.

В Рудановск я приехал ещё днём на казённом экипаже. Заезжать в городское отделение милиции не стал, попросил возницу, чтобы высадил меня в центре. Багажа при мне не было – договорились, что его привезёт Степановна где-то через недельку, когда устроюсь. Заодно и сама приедет.

Сильного впечатления Рудановск не производил, обыкновенный провинциальный городок: в меру приятный, но сильно запущенный. Сколько таких прошло у меня перед глазами – не счесть!

Прогулялся по главной городской улице – Советскому проспекту, ранее, если верить до сих пор не снятым табличкам, он носил другое, не столь революционное название – Благовещенский.

Улица поднималась в горку и заканчивалась оградкой вокруг древнего церковного собора. Возле входа околачивались нищие в страшных лохмотьях. Моё появление фурора не вызвало: эта братия легко считывает, кто подаст милостыню, а от кого ждать бесполезно.

Церковь выглядела довольно красиво. Если не взорвут в конце двадцатых – начале тридцатых, быть ей памятнику как минимум регионального значения, а то и всероссийского.

Мысленно пообещал себе: закреплюсь в Рудановске, попробую не допустить присущих этой эпохе перегибов. Хотя… не больно-то меня и спросят, надо быть реалистом, товарищ Быстров.

Собор стоял на горушке. Я поднялся на неё и постоял.

Отсюда открывался замечательный вид на другой берег реки: скученные домики какой-то деревушки, имени которой я не знаю, двухэтажное красивое здание с портиком у входа – не иначе, как старое барское имение. Чуть в отдалении паслись коровы, заливистое побрякивание колокольчиков на их шеях было хорошо слышно даже здесь, хотя нас разделяло не меньше километра.

По воде плыл буксир, толкая баржу с песком. Крейсировал паром, перевозя людей с того берега на этот.

Чуть выше курились трубы поилицы и кормилицы рудановского городского бюджета – фабрики «Красный молот». На ней ремонтируют и делают всякие сельскохозяйственные машины: плуги, сеялки; отливают изделия из меди и чугуна.

Разумеется, я прочитал это не в путеводителе, а услышал по дороге сюда из уст словоохотливого возницы.

Ещё в Рудановске имеется судоремонтный завод и железнодорожные мастерские.

Вот, пожалуй, и вся основная городская промышленность.

Внизу находилась пристань, к ней вела мощёная серым булыжником скользкая мостовая. Там тоже кипела работа: катали бочки к складским помещениям, перетаскивали доставленные с другого берега грузы.

Я развернулся и пошёл назад.

Заглянул на городской рынок. Масштабы у него были, конечно, не такие, как в Петрограде и даже в губернской столице, но создалось впечатление, что здесь собралось полгорода, не меньше.

Толкучка, шум, перебранка…

На рынке же увидел подчинённых, которые, не зная, что на них внимательно смотрит их новый начальник, равнодушно мазнули по моей фигуре ленивым взглядом.

Глядя на одного из этих служителей закона, сердце обливалось кровью от боли за рабоче-крестьянскую милицию: гимнастёрка старенькая, застиранная, латанная-перелатанная. На ногах разбитые ботинки с серыми от въевшейся грязи обмотками.

Не надо сильно напрягаться, чтобы понять: обувь у постового давно просит манной каши, а у самого милиционера от хорошего питания, по меткому выражению, которое я впервые услышал от своей мамы: грудь – как у молодого петуха коленка. Торчат острые рёбра – порезаться можно.

Зато напарник его выглядел не в пример иначе: мордатый, плечистый. И одет пусть по-военному, но с иголочки. Сразу чувствуется, что норму витаминов и комбижиров товарищ получает в полном объёме, даже где-то чуточку сверху.

Дальше последовала безобразная сцена, после которой я чуть со стыда не сгорел за свою «армию».

Один из продавцов – не бог весть какой из себя Геракл – обычный мужик среднего телосложения, заспорил о чём-то с закутанной в шаль женщиной. Если я правильно понял, её обвесили, и она стала открыто упрекать торговца в обмане.

Тому явно было не с руки привлекать к себе лишнее внимание, и он быстро и весьма радикально решил проблему: взял и врезал женщине в солнечное сплетение.

Отдышавшись, гражданочка подошла к моим милиционерам и стала им жаловаться.

Худенький было дёрнулся, но напарник его притормозил.

– А ну погодь, Дорохов! Чего ты бабу какую-то слушаешь – она тебе с три короба набрешет! – Да, но как же… – попробовал объясниться милиционер, однако его товарищ и слушать ничего не желал:

– Будешь без меня дежурить – делай, что хочешь. А коли со мной в смену вышел – так знай, я Митрича в обидку не дам.

– Но ведь он обвесил гражданку!

– Мало ли что она натрепала. Митрич – человек порядочный. Своего не упустит, но и чужого не возьмёт. Охолонись, Дорохов!

Спорить с товарищем милиционер Дорохов не стал.

Меня страшно подмывало подойти к ним и устроить разборки на месте, но я всё же сдержался.

В принципе, ничего из ряда вон выходящего. Америки я не открыл. Тот, что поздоровее, явно на «подсосе» у этого Митрича, да и наверняка не только у него.

О серьёзной «крыше» речи явно не идёт, но определённая смычка между органами правопорядка и нечистыми на руку торгашами, выражаясь псевдоканцеляритом – «имеет место быть».

Искореняется с огромным трудом и страшным скрипом. Чаще всего начальство смотрит на маленькие провинности подчинённых сквозь пальцы.

Наверняка, если покручусь на рынке подольше – увижу и не такое. Ничего экстремального, конечно, однако настроения мне это не подымет точно.

И всё же рынок – это меньшее из зол, что меня интересовали.

Вспомнив, что с утра ничего не ел, я отправился искать подходящее заведение и в итоге набрёл на небольшую чайную.

Ну вот, хоть плюшками чуток побалуюсь, слегка утешил себя я.

Темнота в городе наступила внезапно, словно кто-то резко выключил рубильник и погрузил Рудановск в объятия ночи.

Я посмотрел в окно. На улице и без того почти никого не было, но сейчас, когда в отсутствие фонарей стало хоть глаз выколи – город превратился в безлюдную пустыню. И только в маленькой нэпманской чайной теплилось какое-то подобие жизни: горел тусклый, почти интимный свет, тихо переговаривалась за соседним столиком влюблённая парочка, да за стойкой, уронив голову на руки, дремал утомившийся за смену мальчишка-половой.

Я допил последний глоток и отставил чашку в сторону. Выходить наружу из тёмного помещения казалось почти подвигом. Но сегодня я был готов к подвигу.

Посмотрим, как функционирует теперь уже родное отделение милиции в ночное время суток. Посмотрим и сделаем выводы.

Глава 5

Театр начинается с вешалки, отделение милиции прямо с входных дверей. Я взялся за ручку и подёргал. Вот те раз – закрыто.

Не скажу, что сильно удивился, с самого начала ожидал чего-то в этом духе.

Кот из дома, мыши в пляс. Начальника не стало, народ распустился.

Так, несколько окон светятся. Значит, внутри есть жизнь. Осталось понять, в какой форме она протекает.

Я постучал. Ноль реакции – то ли не слышат, то ли откровенно забили. Нормально…

– Откройте! – закричал я. – Немедленно откройте!

Орал я громко – на том конце города слышно, вот только в ответ ноль внимания, фунт презрения.

Ну, хорошо – вы упорные, так и я настырный.

Дверь заходила ходуном под ударами кулаков и ног.

– Открывайте немедленно!

Наконец, «крепость» пала под моим натиском. Дверь распахнул заспанный милиционер. Судя по значку на гимнастёрке – дежурный по отделению.

– Мужик, ты чего – офонарел? Какого рожна ты в дверь колотишь? Заняться больше нечем?

Я принюхался: от милиционера разило как от винной бочки. Запах самогона в сочетании с ароматами чеснока и лука создавал тот ещё ядрёный амбре.

– Пожалуйста, не дышите в мою сторону, уважаемый, – с максимальной вежливостью в голосе попросил я. – От вас, простите, не очень хорошо пахнет.

Милиционер побагровел.

– Ох, ни хрена себе заявочки! Тебе чего надо, козёл?! Ты кто такой, чтобы мне замечания делать?

– Простой гражданин РСФСР, – спокойно ответил я.

– Ах, простой гражданин. А ну иди сюда, – он схватился за меня и силком затащил внутрь.

Меня происходящее откровенно злило, однако я старался не давать воли эмоциям и потому не стал оказывать сопротивление. Стало интересно: до какой степени всё дойдёт.

Мы оказались в тесном и длинном коридоре.

– Так, «гражданин», ты, наверное, не понял, куда попал, – по-бычьи склонив голову, стал нагнетать дежурный.

– Почему не понял? – строя из себя интеллигента, стал объяснять я. – Я пришёл в отделение милиции за помощью. Сначала меня долго не впускали – хотя милиция работает круглосуточно и принимает заявления от граждан в любое время дня и ночи. Затем стали хамить, при этом, прошу заметить, что я веду себя исключительно вежливо.

– Всё, ты мне надоел! – вошёл в раж дежурный.

В этот момент за его спиной появился ещё один пошатывающийся милиционер. Он остановился и посмотрел на меня мутным взором.

– Паша, это что за хрен?

– Да никто, – плотоядно ухмыльнулся дежурный. – Какой-то неизвестный гражданин. Явился в отделение посреди ночи и стал права качать. Наверное, думает, что шибко грамотный.

– Это нехорошо! – второй милиционер икнул. – Не понимаю я этих людей… Ну зачем шляться по ночам, занятых людей беспокоить… Что им дома-то не сидится? За такое, как по мне, надо наказывать.

– Вот и я так думаю! – гоготнул дежурный.

– Тебе помочь, Паша? – с готовностью предложил свои услуги второй милиционер.

Дежурный окинул меня с ног до головы и счёл, что я не представляю для него ни малейшей опасности. А может, хмель слишком сильно ударил ему в голову.

– Сам справлюсь.

Я нахмурился. Ситуация явно накалялась.

Сейчас открыться, предъявить удостоверение, добиться нужной реакции или немного подождать?

Нет, рановато ещё светить корочками, поглядим-посмотрим, что будет дальше.

– Я пришёл в отделение милиции, чтобы подать заявление. К кому мне обратиться? – я продолжил прежнюю линию поведения, отыгрывая роль обычного человека с улицы.

– К доктору, но это потом. Сразу после того, как я с тобой разберусь, – зловеще улыбнулся дежурный.

– Товарищ дежурный, я не советую вам этого делать, – покачал головой я.

– Тоже мне советчик нашёлся! Ты на меня не обижайся, сам виноват.

– Ещё раз хочу вас предупредить: пожалуйста, не трогайте меня. Просто примите моё заявление или позовите того, кто может это сделать.

– Вот урод!

Не будь я наготове, дело бы точно обернулось визитом к доктору. Увесистый кулак полетел мне в лицо. Шустрый, однако, попался товарищ. Явно за плечами нехилый опыт боёв стенка на стенку.

Я слегка отклонился назад, и только потому удар не достиг цели.

Всё, хватит строить из себя зашуганного обывателя. Видит бог, я долго пытался сгладить ситуацию, но даже моему терпению пришёл конец.

Пинок в голень заставил дежурного по-бабьи взвизгнуть от приступа сильной боли и потерять остатки координации. Вроде пустячок, ничего сложного, однако на несколько секунд выводит любого противника из строя.

– Я же предупреждал – не надо этого делать! – Я опустил кулак на его макушку, и он беззвучно свалился.

Так, на какое-то время ему точно будет не до происходящего. Полежит на холодном полу, авось остынет.

Калечить и тем более убивать я не собирался. И без того на совести целое кладбище трупов.

Но и спускать с рук такое нельзя. Окажись на моём месте кто-то другой, ходить ему в туалет красной жидкостью.

Его товарищ резко побледнел, потянулся трясущейся рукой к кобуре.

– Ты, гад!

Я не дал ему вытащить револьвер, пнув ногой в живот. Он всплеснул руками, повалился на спину, оружие при этом само по себе вырвалось из его ладони и, ударившись об стену, со стуком приземлилось передо мной.

Я наклонился, и наган сменил хозяина.

– Вот дерьмо! – простонал милиционер.

– Дерьмо здесь ты и твой напарник, – презрительно бросил я и направил на него ствол.

Глаза милиционера превратились в два огромных блюдца.

– Мужик… Ты чего, мужик! Я же тебе ничего не сделал, – плаксиво заговорил он. – Это на тебя Паша наезжал, а я ведь тебя и пальцем не тронул. Ну, мужик, извини, если что не так вышло.

Я ответил ему зловещей ухмылкой, и тогда милиционера проняло.

– Тревога! На помощь! – завопил он.

Где-то в коридоре хлопнула дверь, послышался грохот сапог. Через секунду появился ещё один «персонаж» – тучный милиционер из тех, что поперёк себя шире.

– Бекешин, Юхтин, я не понял – что за херь тут происходит?! – заговорил он.

Его квадратный подбородок, казалось, составляет с толстой шеей одно целое, будто голову прямиком прилепили к туловищу.

Тут он увидел меня, револьвер в моих руках и сразу попятился спиной назад.

– Не дёргайся! – приказал я. – А ну, руки в гору!

– Не надо, мужик, – забормотал тучный милиционер, поднимая лапки кверху. – Тебя к нам Алмаз послал, да?

Меня эта фраза жутко заинтриговала, и тогда я слегка кивнул.

Похоже, в представлении этого толстяка, только люди Алмаза осмелились бы на подобное поведение в стенах отделения милиции. Кто я такой, чтобы его разочаровывать?

Он облегчённо вздохнул.

– Так и знал, что из-за этого аптекаря разборки начнутся.

– А ты догадливый, – хмыкнул я, поигрывая револьвером.

– Шпалер убери, а? – попросил он.

– Обойдёшься, – отрицательно мотнул головой я.

– Тогда дай хоть руки опустить – неудобно же, затекают!

– Спать на потолке неудобно – одеяло падает.

– Блин, ну ты что… У нас ведь с Алмазом всё ровно. Это старый начальник чудил. По его приказу аптекаря трясли, чтобы он Алмаза сдал. Но ты же сам знаешь, что Токмакова больше нет.

– Знаю, – снова кивнул я и спросил как бы между прочим:

– Аптекаря этого как зовут?

– Так Гутман же, – улыбнулся толстяк.

Внезапно он ойкнул и пошатнулся.

– Ты чего? – спросил я.

– Сердце, – прошептал он. – Сердце кольнуло… Болит.

Твою ж мать! Я вспомнил, как сам оказался из-за сердечного приступа в этом мире и теле, на долю секунду поверил его словам и снизил бдительность.

Расплата не заставила себя долго ждать. В руке толстяка словно из ниоткуда появился наган.

– Наколоть меня решил, сука! Получай!

Два выстрела прозвучали практически в унисон.

Сложно промахнуться на дистанции в несколько шагов, однако тучный умудрился это сделать. Зато мне повезло или не повезло: я вогнал ему пулю прямо в лоб. Чему надо сказать, совсем не обрадовался.

Вместо ценного источника информации на полу коридора валялся совсем ещё свеженький мертвец.

Первый денёк на рабочем месте выдался просто охренительным… Десять минут – и уже первый труп, причём своего же подчинённого. Кому расскажи – не поверят, станут смеяться.

А вот мне почему-то не до смеха. Рыдать и плакать охота! И чем дольше тут нахожусь, тем сильнее хочется.

Дежурный успел очнуться, со страхом посмотрел на меня.

– Встать! – приказал я ему.

Он послушно выполнил приказание. Взгляд при этом у него был такой, словно он своими глазами увидел перед собой Немезиду.

– Ещё люди в отделении есть?

– Только арестованные.

– К стене вставай!

– Зачем?

– Не боись, пока не на расстрел.

Затем перевёл взгляд на второго милиционера.

– Тебе что – отдельное приглашение нужно? А ну – вставай рядом.

Картина маслом – «менты у стенки». Кто-то бы обрадовался, а у меня такое чувство, словно кто-то нагадил прямо в душу.

– Товарищ, простите, а вы кто? – заикаясь, спросил дежурный.

– Тамбовский волк тебе товарищ! – ввернул я почерпнутое в незабвенной классике выражение.

– Но вы же не бандит, да?

– А для тебя кто лучше – бандит или представитель власти?

– Представитель власти, – нервно сглотнув, ответил дежурный.

– Тогда тебе повезло. Я – новый начальник милиции, Георгий Быстров. Удостоверение показать?

– Не надо, я вам верю.

– Попробовал бы не поверить!

– Вот жеж вляпались, а! – простонал второй милиционер.

– Сдать служебные удостоверения и оружие, – потребовал я.

– Что с нами будет? – угрюмо спросил дежурный.

Он трезвел буквально на глазах.

– Для начала объявляю вам трое суток ареста. Отбывать наказание начнёте с семи часов утра – пока что вы мне нужны.

– Что дальше?

– А сам как думаешь?

– Я… Я не знаю.

– Дальше буду разбираться с каждым отдельно. Кто исполнял обязанности начальника милиции – Филатов? – вспомнил я фамилию, которую называл Смушко.

К сожалению, точную характеристику зама получить не удалось. Вроде как и толковый оперативник, с другой стороны – какой-то мутный.

Значит, придётся выяснять самому. А это не есть гуд – придётся тратить кучу времени.

– Так точно. Начальник подотдела угро товарищ Филатов, – подтвердил дежурный.

– Как с ним связаться?

– У него в квартире есть телефон. Можно позвонить.

– Тогда срочно вызывай его в отделение. Передай, пусть пулей несётся сюда. Далеко Филатов живёт?

– Минут сорок ходьбы пешком.

– Значит, через час должен объявиться, – прикинул я. – Ну, давай – отлипай от стенки и звони.

Пока дежурный связывался с моим замом, я полистал журнал регистрации задержанных. Ну хоть ведётся – и то хлеб. Не совсем пропащее отделение попалось.

– Товарищ Филатов просил передать, что скоро будет, – сообщил наконец дежурный.

– Хорошо. Тебя как зовут?

– Старший милиционер Бекешин.

– Сколько у тебя в камерах задержанных, старший милиционер Бекешин?

– Девять человек, товарищ начальник.

– Для тебя пока что гражданин начальник. А стану ли товарищем – время покажет. Девять, говоришь… Почему в журнале записано только восемь?

– Так это… – Дежурный замялся.

– Бекешин! – повысил я голос на него.

– Филатов приказал посадить в одиночку гражданина Стасевича, одна тыща восемьсот семидесятого года рождения и пока не регистрировать, – выпалил Бекешин.

– Кто такой этот Стасевич? – заинтересовался я.

– Нэпман. У него свой лабаз в центре, – подсказал второй милиционер.

– Фамилия? – обернулся я к нему.

– Моя?

– Нет, блин, моя!

– Юхтин… Милиционер Юхтин, – доложился он уже по форме.

– Милиционер Юхтин… – протянул я. – Буду знать. В общем, задержанного Стасевича доставить в мой кабинет для дачи показаний.

– Прямо сейчас?

– Да. И прямо, и сейчас, и именно Стасевича.

Посмотрим, что за интерес к нему со стороны уголовного розыска. Тут по ходу интересные дела делаются. Судя по словам покойника, милиция работает чуть ли не в смычке с криминалом. Хотя… на моей памяти редко бывало иначе.

Может, в благословенные более поздние советские времена… А пока ни дать ни взять почти наши девяностые, но только со своим колоритом.

– Гражданин начальник, а с трупом что делать? – заволновался Юхтин.

– Кстати, а кто у нас труп? – опомнился я.

Надо же – пристрелил человека и до сих пор не узнал, как его зовут. Старею…

– Митрохин, курьер подотдела угрозыска.

– Курьер? – удивился я.

Не увязывался у меня этот бугай с такой несолидной должностью. Ему бы хвосты у быков крутить, а не повестки разносить по квартирам. – Так точно, курьер. У нас в подотделе угро после сокращения только три должности и есть: начальник подотдела, делопроизводитель и курьер. Ну… теперь и курьера не осталось.

– Нового найдём. Бекешин, свяжись с судом – пусть пришлют дежурного следователя, будем оформлять труп курьера Митрохина. До прибытия следователя тело не трогать. В отделение до моего особого распоряжение никого, кроме следователя и товарища Филатова, не впускать. И да, оба напишите подробнейшие рапорты о случившемся. О драке пока можете не упоминать – это предмет отдельного и обстоятельного разговора с каждым из вас.

– Спасибо, товарищ Быстров!

– Гражданин!

– Извините, гражданин Быстров.

Юхтин спохватился первым:

– Но, гражданин начальник, если о драке не упоминать, как тогда объяснить, почему у вас с Митрохиным вышла размолвка и началась стрельба.

– Пишите, что Митрохин почему-то принял меня за бандита и стал стрелять. В порядке самообороны мне пришлось его ликвидировать. Пока сор из избы выносить не надо, – определился я. – С этим всегда успеется.

А про себя добавил, что грязи в вверенном отделении милиции, как в авгиевых конюшнях. И чистить придётся долго, упорно и методично.

Ничего, даст бог, справлюсь.

Глава 6

– Задержанный Стасевич доставлен по вашему приказанию, – отрапортовал Юхтин.

– Благодарю. Обожди за дверью, вызову, когда понадобишься, – отпустил я милиционера.

Юхтин закрыл за собой дверь.

Я посмотрел на задержанного – худенький брюнет лет шестидесяти с ярко выраженными семитскими чертами лица и крючковатым носом, одет в помятый костюм в полосочку и кремовую накрахмаленную рубашку, на ногах нечищеные туфли.

– Как вас величать? – спросил я.

– Абрам Моисеевич. Простите, с кем имею честь?

– Быстров Георгий Олегович – новый начальник милиции. Да вы не стойте – присаживайтесь.

– Спасибо.

Он опустился на стул перед моим столом, взглянул на меня затравленным взглядом – как удав на кролика.

– Рассказывайте, Абрам Моисеевич, за что вас задержали.

– А вы разве не знаете? – удивился он.

– Знаю, но я предпочёл бы услышать вашу версию событий.

Скажи я иначе, кто знает, какую лапшу мне бы постарались навешать на уши. А так есть вероятность услышать что-то более-менее правдоподобное.

– Ну, раз вы всё знаете, я отвечу вам то же самое, что сказал Филатову. Если у старого больного еврея есть маленький магазинчик, это ещё не значит, что он богат как Крез.

– То есть с вас потребовали денег?

– А что ещё могут желать от старого еврея, у которого есть своё дело? – пожал плечами Стасевич. – Только деньги. Нет, вы не подумайте – я не отказываюсь платить, но почему так много? Раньше с меня брали намного меньше…

– Сколько с вас запросил Филатов?

Стасевич назвал сумму. Я присвистнул.

– Ох, ни хрена себе!

– Я тоже так подумал и отказался платить такие деньжищи. Тогда Филатов приказал меня задержать.

– По какому обвинению?

– Ба! Вы бы слышали его слова. Он заявил мне прямо в лицо, что был бы человек, а статья для него всегда найдётся.

Я невольно улыбнулся. Оказывается, эта фраза уже давно в обиходе.

– Не вижу ничего смешного, Георгий Олегович! – обиделся Стасевич.

– Простите, Абрам Моисеевич. Не хотел вас задеть. Это так… своё.

– Впервые вижу милиционера, который передо мной извиняется.

– Ещё один вопрос, Абрам Моисеевич – прежний начальник милиции знал о поборах?

– Если и знал, то точно не от меня.

– То есть ему вы не жаловались?

– Филатов сразу предупредил: если вздумаю рассказать Токмакову, меня просто сживут со свету. Представьте себе, у него тогда были такие глаза, что я ему сразу поверил. А я умею разбираться в людях, жизнь научила.

– Понятно. А мне вы сказать не побоялись… Почему?

– Мне понравилось то, как вы начали. Пришли и сразу пристрелили этого мерзавца Митрохина. Это ведь он обычно приходил за деньгами. Не только ко мне, к другим людям, у которых в Рудановске есть собственное дело. Если кто-то задерживал платежи, Митрохин угрожал,

мог избить – моему хорошему знакомому просто взял и сломал руку за то, что тот пропустил ежемесячную выплату. Рука до сих пор не срослась, а ведь ему нужно кормить семью. Так что я обрадовался, что у нас теперь новый начальник милиции. И, наверное, не один я.

Он усмехнулся.

– Вы далеко пойдёте, Георгий Олегович, если вас, конечно, не пристрелят.

Я хмыкнул.

– Постараюсь не доставлять врагам такой радости. Дадите письменные показания против Филатова?

Стасевич отрицательно мотнул головой.

– Тут вы на меня не рассчитывайте.

– Почему, Абрам Моисеевич? Филатов выпил у вас и ваших знакомых столько крови – давайте посадим его в тюрьму.

– Думаете, вы первый, кто хотел отправить нашего начальника за решётку? Увы, я вас разочарую. Другой мой знакомый пытался добиться справедливости, но в итоге его дом взял и сгорел, знакомого сильно избили, а Филатов так и остался на свободе. Я слишком дорожу своим домом. Его построил ещё мой отец. Так что наш с вами доверительный разговор не для протокола.

– Жаль, Абрам Моисеевич. Очень жаль, – грустно произнёс я.

– А уж мне как жаль, – вздохнул задержанный. – Филатов – редкостный мерзавец и заслужил пулю в голове не меньше Митрохина. Однако папа всегда говорил мне, чтобы я был реалистом и смотрел на вещи трезвым взглядом. Вы хорошо заявили о себе в нашем городе, но пока за вами не видно силы. Люди потянутся к вам только тогда, когда поймут, что вы – не герой-одиночка. Извините за горькие слова, но такова жизнь.

– Я вас понял. Хорошо, Абрам Моисеевич, надеюсь, мы ещё вернёмся к этому разговору.

– Что со мной будет?

– Я бы с радостью отпустил вас домой прямо сейчас, но сначала переговорю с Филатовым. – Представляю, что вы от него услышите!

– Меня будет интересовать не то, что он скажет, а то – как именно он это произнесёт. И поймите: я вижу вас впервые в жизни, и у меня нет основания доверять вашим словам.

– Доверяй, но проверяй. Кажется, это так называется.

– В первом приближении.

Я позвал конвойного:

– Юхтин!

– Слушаюсь, гражданин начальник.

От Стасевича не скрылось, что меня величают гражданином, и на его лице появилась лукавая улыбка.

– Отведите задержанного назад в камеру.

– Слушаюсь. Задержанный, встать. Руки за спину и на выход.

Минут через десять в кабинет вихрем ворвался мужчина, чьё довольно красивое лицо было обезображено длинным шрамом, явно полученным от сабельного удара. Его гимнастёрка была перетянута кожаной портупеей. Из-под козырька глубоко опущенной фуражки сверкали чёрные глаза.

– Это вы – новый начальник милиции? – наехал он на меня.

– Да. А вы кто такой?

– Филатов, начальник подотдела уголовного розыска. По какому праву вы применили оружие и застрелили моего подчинённого?

– Это была чистой воды самозащита. Ваш подчинённый первым открыл по мне огонь. Только не спрашивайте, что на него нашло. За те тридцать секунд, что я провёл в его обществе,

мне не удалось столь глубоко проникнуть в душу Митрохина. Я вызвал следователя, пусть разбирается.

Как ни странно, но Филатова мои слова успокоили.

– Простите, погорячился, – виновато произнёс он.

– Бывает, – кивнул я. – Боюсь даже представить, как бы повёл себя на вашем месте.

– Лучше не представлять. Хотя Митрохин – точно не был подарком. Его контузило в гражданскую, он часто мучился сильными головными болями, в итоге характер совершенно испортился. Грубил людям, мог сорваться… Несколько раз подумывал уволить его, да было жаль, всё-таки боевой товарищ, фронтовик… Видимо, в конце концов последствия ранения взяли своё. Сгорел наш Митрохин.

– Война есть война. Так просто не проходит, – согласился я и как бы между прочим заметил:

– У вас в камере находится задержанный Стасевич. В чём его собираетесь обвинить?

Глаза Филатова испуганно забегали.

– Стасевич? – он сделал вид, что вспоминает. – Ах, этот! Особой конкретики пока нет… – И всё же? – настойчиво спросил я.

– Ну… есть основания подозревать его… в краже. Да, в краже.

– И что именно украл гражданин Стасевич? Филатов заволновался ещё сильнее. Чувствовалось, что он не был готов к вопросам и теперь сочиняет на ходу.

– Надо в материалах дела почитать, уточнить – так сразу и не припомнишь… Не очень серьёзная кража, но это не повод, чтобы преступник гулял на свободе.

– Конечно-конечно, – поддержал его я. – Вор должен сидеть в тюрьме.

– Именно, – обрадованно закивал он. – Вы совершенно точно это подметили – вор должен сидеть в тюрьме.

– Это не я подметил, это другие умные люди задолго до меня сказали, – я не стал присваивать чужие лавры. – Меня только одно смущает.

– Что же действует на вас таким образом?

– стал постепенно входить в роль Филатов.

– Вы отдали распоряжение задержать Стасевича, времени прошло – всего ничего, но вы с большим трудом вспоминаете, за что его держат в камере. По-моему, звучит странно.

– Ну, а что вы хотели? Меня после известия о смерти Митрохина как из седла вышибли… До сих пор в себя прийти не могу, – начал довольно сносно оправдываться Филатов.

Как ни крути, но дурака на должности начальника уголовного розыска точно держать бы не стали. Просто мне повезло застать его врасплох. При иных обстоятельствах он бы уже соответствующим образом обставился так, что комар бы носа не подточил.

Ладно, пора прерывать эту самодеятельность. Она меня порядком достало.

– Всё, хватит! – резким тоном сказал я.

– Я вас не понимаю, – с напряжением в голосе произнёс он.

– Горбатого при мне лепить больше не надо, Филатов. Вы ведь человек грамотный?

– Конечно.

– Тогда садитесь и пишите рапорт на увольнение.

– Вы с ума сошли! – воскликнул он.

– Нет. Это вы, Филатов, сошли с ума, если решили, что меня так легко одурачить. Я в городе всего ничего, но уже имею представление, чем вы тут занимаетесь.

– Интересно-интересно, и что же тут вам про меня напели? – хмуро спросил Филатов.

– Митрохин принял меня за посланца от Алмаза, а когда догадался, что я его обманул – попытался убить. Вряд ли вы как начальник не были в курсе связей вашего подчинённого.

– Слова-слова… – глумливо улыбнулся Филатов.

– Да, слова… Только поэтому я не могу тебя арестовать прямо сейчас, хотя руки чешутся – спасу нет. Я ведь знаю, что ты вымогаешь у предпринимателей деньги.

– Стасевич, небось, разболтал, – хмыкнул Филатов. – Зря он пасть открыл, не подумал, что язычок-то можно и укорить. Ой, зря…

– Только тронь – и я пристрелю тебя, как Митрохина, – пригрозил я.

– А ты борзой, начальник! – покачал головой Филатов.

– Тебе, падаль, никто на «ты» переходить в разговоре со мной не разрешал. С доказательствами у меня туго – тут ты прав. Но я найду их, найду обязательно, и тогда ты сядешь на нары.

– Это ещё неизвестно, кто из нас первым на них окажется. До меня, начальник, слушок один добрался: дескать, промеж вас с Кравченко кошка пробежала. Может, брешут люди, но дыма без огня всё равно не бывает, – вальяжно заговорил он.

– Чего молчишь, продолжай!

– Продолжу, уж будьте покойны… Что если я анонимку в ГПУ настрочу? Такую цидулю – ни одна зараза не подкопается. Да и сомневаюсь я чего-то, что Кравченко сильно захочет разбираться, сколько там правды, а сколько – всего остального. Ему ж только повод дай, сожрёт и не подавится. И куковать тебе тогда за решёткой, Быстров. А к тебе буду приходить, передачки носить.

Пальцы сжались в кулак. Как мне хотелось врезать гаду – слов нет! Но я мысленно посчитал до пяти и взял себя в руки. Начну драку, сделаю себе же хуже. Эта расчётливая сволочь сможет обернуть всё против меня. Не успел явиться на службу, как одного сотрудника пристрелил, второго побил…

Нет, тут нужна холодная голова.

И арестовать его не получится – Стасевич давать показания отказался, другие «бизнесмены» тоже напуганы и будут молчать. Улик против Филатова у меня нет.

– Филатов, даю тебе последний шанс. Или ты пишешь прямо сейчас рапорт на увольнение по собственному желанию, или я делаю так, что ты вылетаешь отсюда с треском. Думаешь, будет сложно тебе выговоров и строгих выговоров навлеплять? Ты – хоть и сволочь, но сволочь умная. Должен понимать, что у меня рычагов давления больше.

Я в глаза не видел текущий КЗОТ или что его заменяло в этом времени, однако предположил, что увольнение происходило примерно по одной логике с мне привычным, только с определёнными нюансами.

– Не ты меня ставил, не тебе и снимать! Губисполком тебя прокатит! – не уверенно заявил Филатов.

– Хочешь подёргаться? Зря, – сквозь зубы процедил я. – Только агонию продлишь. Ты мне веришь, Филатов?

Я посмотрел на него. Он не выдержал и отвёл взгляд в сторону.

– Это самоуправство, Быстров!

– Нет, Филатов. Это пока жалкая пародия на справедливость. Настоящая справедливость наступит, когда я тебя посажу. Потому мой тебе совет: пиши рапорт, собирай вещички и уматывай из города. Тебе здесь жизни не будет. – Пошёл ты!

Однако я чувствовал, что он постепенно сдаётся под моим напором и сопротивляется скорее из упрямства и ложно понимаемых представлений о гордости.

– Пиши! – потребовал я.

– А катитесь вы все к ядрёной фене! – вдруг выдохнул он, сел за стол, взял перо, обмакнул кончик в чернильнице и стал быстро писать на листке бумаги.

Закончив, резким движением сломал деревянную ручку пера.

– Какого хрена портишь казённое имущество, Филатов? Вычту из увольнительного пособия.

Его лицо стало красным от бешенства.

– Ладно, Быстров. Сегодня твоя взяла. Посмотрим, что будет завтра. Ты мне тут совет дал – так и я тебе кой-чего посоветую: ходи осторожно и оглядывайся… начальник!

Глава 7

Дежурный следователь оказался юнцом, совсем ещё зелёным мальчишкой. Однако соображалка у него была что надо, так что с формальностями я покончил быстро.

Труп Митрохина увезли в морг, здание постепенно начало наполняться взбудораженными людьми.

На месте дежурного сидел незнакомый милиционер.

– Доброе утро! – поздоровался я.

Он с интересом и какой-то опаской взглянул на меня, поднялся, одёрнул гимнастёрку и произнёс:

– Доброе утро, товарищ Быстров.

– Где Юхтин и Бекешин?

– По вашему приказанию взяты под арест.

– Соберите минут через пять всех сотрудников в актовом зале. – Я чуть было не назвал помещение «ленинской комнатой», потом вспомнил, что появятся они году так в 1924-м, сразу после смерти Владимира Ильича.

– Сделаю, – кивнул дежурный.

В назначенное время я появился в большой и светлой комнате, украшенной красными флагами, транспарантами, лозунгами и самодельными плакатами. На стене висел портрет Ленина. Пахло табаком и махоркой, из-за наглухо закрытых окон воздух оказался спёртым, было трудновато дышать.

Два десятка глаза смотрели на меня с любопытством.

– Здравствуйте, товарищи. Будем знакомиться – я новый начальник милиции, Быстров Георгий Олегович. Прежде работал в губернском уголовном розыске, теперь вот отправлен к вам на повышение.

– Круто начали, Георгий Олегович, – заметил милиционер в летах, сидевший почти в самом конце зала.

– А вы как хотели? Времени на раскачку у нас нет. Я в городе всего ничего и уже убедился, что в наших рядах до сих пор хватает всякой сволочи и совершенно случайных людей.

В зале зашумели.

– Сказанное относится не ко всем вам, товарищи, а только к тем, кто помогает нашему злейшему врагу – преступности. Таким нет места среди нас. Французы говорят: на войне как на войне. Так вот – у нас война. Мы каждый день находимся на передовой и должны быть уверены в каждом как в самом себе. Предателей и отщепенцев я не потерплю, как и тех, кто равнодушен к нашей тяжёлой, но всё-таки интересной профессии. Сразу хочу предупредить: требовать буду с каждого. Есть вопросы?

– Есть, – откликнулся молодой парень в очках.

– Слушаю вас.

– Вы правильно сказали, что мы как на войне. Но как воевать, если материальное обеспечение хромает? Я сейчас даже не говорю о том, что нам уже три месяца задерживают заработную плату, а продпаёк выдают не полностью и по частям.

– Вот-вот, – поддержали его с мест. – Губвоенпродснаб за прошлый месяц мяса выдал всего два раза и только на восемь дней. Муку вечно зажимают – хрен выцарапаешь!

– В общежитие загляните. Посмотрите, на чём спать приходится: одни голые топчаны без постельного белья. Матрацы – и те отобрали! После такой ночёвки вся спина болит. Как тут преступников ловить прикажете?

– Нам не выдают обмундирование, людям банально не в чем ходить. Как дождь или холод, начинают хворать. Приезжала инспекция с проверкой строевой подготовки – устроили разнос

всему отделению. А за что? После сокращения с ног сбиваемся, с наряда в наряд ходим, какая тут строевая подготовка! – воскликнул пожилой милиционер. – Разве это справедливо?

– Гужтранспорта не хватает, с фуражом беда – лошадям жрать нечего. Патроны – и те приходится выклянчивать. Война говорите – как воевать без патронов?

– В некоторых летних рамах выбиты стекла, в зимних также, отчего температура в помещении стоит такая же, как и на дворе. В помещении сквозняк, сидеть больше часа невозможно…

– Мебель вся ломатая-переломатая. Скоро друг у дружки на плечах сидеть станем.

– С бумагой, чернилами, перьями – сплошные перебои. За свои покупать приходится, только мало своих – не платят почти. Реактивы для фотолаборатории заканчиваются. До сих пор нет нормального эксперта – за толковым специалистом приходится обращаться в губернию, – продолжил перечислять парень в очках.

– Что значит нет эксперта? – насупился я. – Кто, к примеру, занимается дактилоскопией?

– Да кто в школе милиции был, тот и занимается. А там только вершки преподавали, корешкам долго учиться нужно.

– Кальсонов бы нам, хотя с дюжину пар на всё отделение. Без них мочи нет на ночное дежурство выходить. Как собака на посту мёрзнешь.

– И обувка долго жить приказала. Ни сапог тебе, ни башмаков…

– А шинели? Без них перемёрзнем все как цуцики.

Я понял, что ещё немного и разговор превратится в форменный базар. Понятно, что у людей полно проблем, что накипело и очень хочется выговориться. Но, как известно, одними разговорами делу не поможешь.

– Так, спокойно! – попросил я. – Кто завхоз?

– Я, – поднялся крупный мужчина с рябым лицом.

– Ваша фамилия.

– Житков.

– Товарищ Житков, прошу оперативно составить списки недостающего и предоставить мне через два часа. Управитесь?

– Управлюсь.

– Отлично. Я просмотрю их и подумаю, что и как можно решить. Кроме материального снабжения, ко мне есть ещё вопросы?

Подождав для приличия секунд двадцать, я подвёл краткий итог:

– Значит, вопросов больше нет. По местам расходимся, товарищи.

Я догадывался, что всё запущено, но не ожидал, что настолько.

Только вошёл в кабинет, как сразу затрезвонил телефон.

– Быстров у аппарата.

– С вами говорит начальник городского управления административных органов Камагин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.